

ДЖЕЙН ДЖЕКОБС

Назначение тротуаров: безопасность¹

Улицы в больших городах служат множеству иных целей, помимо передвижения транспорта, а тротуары в больших городах — пешеходная часть улиц — служат множеству иных целей, помимо передвижения пешеходов. Это назначение связано с передвижением, но им не ограничивается, и само по себе оно по крайней мере столь же важно для правильной работы городов, как и передвижение.

Сам по себе городской тротуар — это ничто, абстракция. Он важен только в сочетании со зданиями и прочим, что его ограничивает, или другими тротуарами, расположенными неподалеку от него. То же можно сказать и об улицах в том смысле, что они служат иным целям, помимо передвижения колесного транспорта по проезжей части. Улицы и их тротуары, основные общественные места города, являются его наиболее жизненно важными органами. Задумайтесь о городе, и что придет вам на ум? Его улицы. Если улицы города выглядят интересно, интересным выглядит и сам город; если они выглядят уныло, унылым выглядит и сам город.

Кроме того, и здесь мы переходим к первой проблеме, если улицы города защищены от варварства и страха, то и город хорошо защищен от них. Когда люди говорят, что город или его часть представляют опасность или похожи на джунгли, то они имеют в виду прежде всего то, что они не чувствуют себя защищенными на его тротуарах.

Но тротуары и те, кто использует их, не являются пассивными пользователями безопасности или беспомощными жертвами опасности. Тротуары, их ограничители и те, кто пользуется ими, являются активными участниками драматической борьбы между цивилизацией и вар-

¹ Jane Jacobs. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961, p. 37–71.

варством в городах. Обеспечение городской безопасности — основная задача улиц больших городов и их тротуаров.

Эта задача совершенно отличается от задач, которые призваны выполнять тротуары и улицы в небольших городах или пригородах. Крупные города — это не то же самое, что «обычный город, только большой». Они — не «то же самое, что и пригороды, только плотнее». Они отличаются от обычных городов и пригородов в ряде отношений, и одно из них состоит в том, что большие города, по определению, полны незнакомых людей. Для каждого человека незнакомцы в больших городах являются куда более привычным окружением, чем знакомые. Более привычным не только в местах, где собирается публика, но и на пороге собственного дома. Даже люди, живущие по соседству, незнакомы друг с другом, и так и должно быть из-за большого скопления людей на небольшом географическом пространстве.

Основной признак благополучного городского района состоит в том, что человек чувствует себя на улице среди всех этих незнакомцев защищенным и в безопасности. Он не должен неосознанно ощущать угрозу с их стороны. Неблагополучный в этом отношении городской район также оказывается скверным и в остальных отношениях и навлекает на себя — и на весь свой город — множество неприятностей.

Сегодня варварство либо уже заполонило многие городские улицы, либо люди опасаются того, что нечто подобное в конечном итоге и произойдет. «Я живу в прекрасном и тихом жилом районе», — говорит мой приятель, который собирается переселиться в другое место. «Только иногда ночью будят крики людей, которых грабят на улице». Не нужно множества случаев насилия на городской улице или в городском районе, чтобы заставить людей бояться улиц. И если они их боятся, то и пользуются ими реже, что делает улицы еще более опасными.

Конечно, встречаются и пугливые люди, которые никогда не будут чувствовать себя в безопасности, независимо от того, как обстоят дела на самом деле. Но это не имеет отношения к страху, охватывающему обычно рассудительных, терпимых и жизнерадостных людей, которые следуют лишь здравому смыслу, отказываясь после наступления темноты — или, в некоторых местах, днем — идти по улицам, где на них могут напасть и этого никто не увидит или не успеет помочь.

Варварство и реальное, а не мнимое, отсутствие безопасности, вызывающее такие опасения, не может быть исключительной проблемой трущоб. На самом деле проблема стоит наиболее остро в прилично выглядящих «тихих жилых районах», наподобие того, из которого уехал мой приятель.

Это не может быть исключительной проблемой старых частей больших городов. Проблема оказывается наиболее насущной в ряде перестроенных частей городов, включая, возможно, лучшие примеры перестройки — такие, как микрорайоны для людей со средними доходами. Начальник полицейского участка, относящегося к микрорайону,

который вызвал восхищение у всей страны (в том числе у планирующих органов и кредиторов), недавно предупредил жителей не только об опасности пребывания на улице после наступления темноты, но и посоветовал им никогда не открывать двери незнакомцам. Жизнь здесь во многом похожа на жизнь трех поросят или семи козлят из детских сказок-страшилок. Проблема тротуара и отсутствия безопасности на пороге собственного дома одинаково серьезна в городах, которые усердно занимались перестройкой, и в городах, которые не прилагали больших усилий в этом направлении. При этом бесполезно возлагать ответственность за отсутствие безопасности в городе на национальные меньшинства, бедных или бездомных. Существуют огромные различия в степени цивилизации и безопасности у таких групп и городских районов, в которых они проживают. Например, в Нью-Йорке в любое время дня и ночи одними из самых безопасных улиц являются те, на которых проживают бедняки или национальные меньшинства, а одними из наиболее опасных — улицы, заселенные такими же людьми, как и мы. То же можно сказать и о других крупных городах.

Причиной правонарушений и преступлений в пригородах и обычных городах, а также в больших городах, служат глубокие и сложные социальные проблемы. Здесь достаточно сказать, что необходимым условием сохранения городского общества, которому можно поставить диагноз и помочь избежать более глубоких социальных проблем, является укрепление всех возможных сил для обеспечения безопасности и цивилизации в наших городах. Глупо строить городские районы, которые прекрасно подходят для совершения преступлений. Тем не менее, именно их мы и строим.

Прежде всего, необходимо понять, что общественный порядок — порядок на тротуаре и улице — в городах в основном обеспечивается не полицией, а сложным, почти бессознательным сообществом добровольного надзора и сдерживания, состоящим из простых людей. В некоторых городских районах — наиболее заметными примерами являются старые микрорайоны с муниципальным жильем или улицы с большими потоками людей — обеспечение общественного порядка почти полностью отдано на откуп полиции и специальных охранников. Такие места являются джунглями. Никакая полиция не сможет установить цивилизацию там, где ее не удалось привить обычными и последовательными средствами.

Кроме того, необходимо понять, что проблему отсутствия безопасности невозможно решить, расселяя людей и заменяя особенности городов особенностями пригородов. Если бы это могло решить проблему отсутствия безопасности на городских улицах, то Лос-Анджелес был бы безопасным городом, потому что, на первый взгляд, он почти целиком состоит из пригородов. В сущности, в нем нет районов, которые были бы достаточно компактными, чтобы их можно было назвать плотными городскими районами. Тем не менее, в отношении Лос-Анджелеса —

больше, чем в отношении любого другого большого города — приходится признать, что, будучи городом, он *на самом деле* состоит из незнакомцев, не все из которых милы и приятны. Показатели преступности в Лос-Анджелесе поражают. Из семнадцати городов с населением более миллиона человек Лос-Анджелес настолько превосходит остальные по показателям преступности, что образует свою особую категорию. И особенно это касается преступлений, связанных с нападениями на людей, то есть преступлениями, которые заставляют людей бояться улиц.

Например, в Лос-Анджелесе показатели изнасилований (цифры 1958 года) составляют 31,9 на 100.000 жителей, что более чем вдвое превышает показатели двух других следующих городов — Сент-Луиса и Филадельфии; втрое превышает показатели для Чикаго (10,1) и более чем вчетверо — для Нью-Йорка (7,4).

По нападениям при отягчающих обстоятельствах показатели Лос-Анджелеса составляют 185, по сравнению со 149,5 для Балтимора и 139,2 для Сент-Луиса (два следующих за ним больших города с наиболее высокими показателями) и с 90,9 для Нью-Йорка и 79 для Чикаго.

Общие показатели Лос-Анджелеса по серьезным преступлениям составляют 2.507,6 на 100.000 человек, намного опережая следующие за ним Сент-Луис и Хьюстон с 1.634,5 и 1.541,1, а также Нью-Йорк и Чикаго с 1.145,3 и 943,4.

Причины высоких показателей преступности в Лос-Анджелесе, несомненно, сложны и, по крайней мере отчасти, неясны. Но это убеждает нас в том, что снижение плотности городского населения не гарантирует защищенности от преступлений и страха перед преступлениями. Таков один из выводов, который можно сделать и для отдельных городов, где псевдопригороды и старые пригороды идеально подходят для совершения изнасилований, грабежей, избиений, разбойных нападений и тому подобного.

Здесь мы сталкиваемся с крайне важным вопросом относительно городских улиц: насколько легко можно совершить на них преступление? Возможно, существует некий абсолютный объем преступлений в данном городе, которые так или иначе будут совершены (я так не считаю). Так это или нет, но на различных улицах варварство и страх перед ним проявляются совершенно по-разному.

Некоторые городские улицы не оставляют никаких возможностей для уличного варварства. Показательный пример — улицы бостонского Норт-Энда. Они, наверное, являются самым безопасным в этом отношении местом на Земле. Хотя проживают в Норт-Энде преимущественно итальянцы или лица итальянского происхождения, улицы этого района часто используются также представителями других рас и национальностей. Некоторые чужаки работают в этом районе или рядом с ним; некоторые приезжают для того, чтобы сделать покупки и погулять; многие, в том числе представители национальных меньшинств, которые заселили опасные районы, предварительно покинутые другими, счита-

ют обязательным для себя получать деньги по чекам в магазинах Норт-Энда и сразу же делать большие закупки на неделю на улицах, где, как им известно, они не распрощаются со своими деньгами после того, как получат, и перед тем, как потратят их.

Фрэнк Хейви, директор Норт-Эндского союза, местного центра социальной помощи, говорит: «Я прожил здесь в Норт-Энде двадцать восемь лет, и за все это время я ни разу не слышал ни об одном изнасиловании, грабеже с применением насилия, растлении малолетних или других уличных преступлениях такого рода в районе. И если бы это произошло, я бы узнал об этом, даже если бы это не попало на страницы газет». Хейви говорит, что за последние тридцать лет было несколько попыток соращения детей или, поздно вечером, нападения на женщин. И всякий раз такие попытки пресекались прохожими, зеваками из окон или хозяевами магазинов.

Между тем, в квартале Эльм-Хилл-авеню в Роксбери, старой части Бостона, которая внешне похожа на пригород, уличные нападения и возможность их совершения в отсутствие зевак, способных защитить жертву, вынуждают благоразумных граждан избегать улиц в темное время суток. Неудивительно, что по этой и другим, связанным с нею, причинам (тусклость и унылость) большинство жителей пренебрежительно отзывалось о Роксбери. Его стали покидать.

Мне не хочется выделять Роксбери или его некогда прекрасную часть Эльм-Хилл-авеню в качестве особенно уязвимого района; его недостатки, и особенно поразившая его Великая Болезнь Унылости, слишком часто встречаются и в других городах. Но такие различия в общественной безопасности в одном и том же городе весьма примечательны. Основные проблемы квартала Эльм-Хилл-авеню связаны не с преступным, подвергающимся дискриминации или бедным населением. Его проблемы связаны с тем, что он физически совершенно не приспособлен для благополучного функционирования и соответствующего существования в качестве городского района.

Даже во внешне похожих частях внешне похожих мест существуют резкие различия в общественной безопасности. Происшествие в *Washington Houses*, микрорайоне с муниципальным жильем в Нью-Йорке, служит подтверждением этой мысли. Группа жителей этого микрорайона, занимаясь его благоустройством, провела в середине декабря 1958 года несколько уличных церемоний и поставила три рождественские елки. Основная елка, которая была настолько тяжелой, что для того, чтобы ее привезти, установить и украсить, потребовались значительные усилия, была помещена на «улице» внутри микрорайона, на центральной аллее в месте для прогулок. Две другие елки, высота которых не превышала шести футов, а вес позволял переносить их без особого труда, были установлены на двух небольших площадках на границе микрорайона с оживленной авеню и на пересечении с улицей старого города. В первую же ночь большая елка со всеми украшениями бы-

ла украдена. Две небольшие елки со всеми своими гирляндами и прочими украшениями оставались невредимыми до тех пор, пока они не были разобраны после новогодних праздников. По словам социального работника, помогавшего группе жителей: «Место, откуда была украдена елка, которое *теоретически* является наиболее безопасным и защищенным местом в микрорайоне, одновременно является наиболее небезопасным для людей и особенно детей. Находиться на этой аллее людям так же небезопасно как и рождественской елке. С другой стороны, места на границе микрорайона, где другие елки остались целыми и невредимыми, оказались безопасными для людей».

Об этом, в общем-то, известно каждому: оживленная городская улица, как правило, безопасна, а безлюдная городская улица может таить в себе опасность. Но как это происходит на самом деле? И что делает городскую улицу оживленной или вызывающей опасения? Почему люди сторонились аллеи в *Washington Houses*, которая предположительно была привлекательной? Почему они не сторонились расположенных к западу улиц старого города? Как насчет улиц, которые бывают оживленными только какое-то время, а потом внезапно становятся безлюдными?

Городская улица предназначена для незнакомцев и безопасность на ней зависит от присутствия незнакомцев. Поэтому улица благополучного городского района всегда должна обладать тремя основными качествами.

Во-первых, должна существовать четкая граница между публичным и частным пространством. Публичное и частное пространство не могут взаимопроникать друг в друга, как это обычно бывает в пригороде.

Во-вторых, улица должна просматриваться, просматриваться теми, кого мы могли бы называть естественными хозяевами улицы. Здания на улице, предназначенные для незнакомцев и для обеспечения безопасности жителей и незнакомых людей, должны быть ориентированы на улицу. Они не могут быть повернуты к ней своей оборотной или глухой стороной и оставлять ее без присмотра.

В-третьих, улица должна постоянно использоваться, за ней должно присматривать достаточное число людей, находящихся на ней самой и в зданиях. Никому не нравится сидеть на крыльце или смотреть из окна на пустую улицу. Почти никто не занимается этим. Но при этом многие развлекаются тем, что время от времени смотрят за тем, что происходит на улице.

В поселениях, которые меньше больших городов по своим размерам и проще по своему устройству, контроль над общественно приемлемым поведением, если не над преступностью, по-видимому, осуществляется с большим или меньшим успехом благодаря сочетанию доброго имени, слухов, одобрения, неодобрения и запретов, которое способно оказать определенное влияние, если люди знакомы друг с другом. Но улицы большого города, которым приходится контролировать поведение не только его жителей, но и приезжих из пригородов и небольших горо-

дов, желающих подольше побыть вдали от домашних сплетен и запретов, должны управляться более прямыми и простыми методами. Удивительно, что большим городам вообще удается решать такую трудную по своей сути задачу, причем во многих случаях весьма успешно.

Бесполезно пытаться избежать проблемы опасных городских улиц, стараясь сделать безопасными одни места, скажем, внутренние дворики или защищенные площадки для детей, вместо других. Улицы большого города по определению предназначены для незнакомцев, поскольку именно незнакомцы ходят по ним. Улицы не только должны защищать город от незнакомцев-грабителей, они должны защищать многих миролюбивых и благонамеренных незнакомцев, обеспечивая их безопасность, когда они ходят по ним. К тому же, ни один нормальный человек, включая детей, не может провести всю свою жизнь в некоем искусственном укрытии. Улицами приходится пользоваться всем.

На первый взгляд, здесь есть несколько простых задач: попытаться обезопасить улицы, где публичное пространство однозначно публично, физически отделено от частного или ничейного пространства, чтобы область, нуждающаяся в наблюдениях, имела четкие и реальные границы; и понять, что эти публичные уличные пространства по возможности просматриваются на постоянной основе.

Но достичь этих целей, особенно последней, не так просто. Нельзя заставить людей пользоваться улицами, если у них нет для этого никаких оснований. Нельзя заставить людей смотреть за улицами, если они не хотят смотреть за ними. Обеспечение безопасности на улицах посредством наблюдения и взаимного контроля друг за другом кажется зловещей, но в реальной жизни все обстоит не так мрачно. Безопасность на улицах лучше, проще и с наименьшей враждебностью и подозрениями обеспечивается именно там, где люди пользуются городскими улицами наиболее естественно и менее всего осознают, что они поддерживают порядок на них.

Основное условие такого наблюдения — наличие большого количества магазинов и других публичных мест, разбросанных вдоль тротуаров района; особенно важны предприятия и общественные места, которые используются в вечернее и ночное время. Магазины, бары и рестораны, как основные примеры, различным и сложным образом способствуют обеспечению безопасности на улицах.

Во-первых, они создают основания для того, чтобы люди — и местные жители, и неместные — пользовались улицами, на которых расположены такие предприятия.

Во-вторых, они заставляют людей проходить мимо мест, которые сами по себе не имеют ничего привлекательного для публики, но которые лежат на пути к чему-то еще; географически такое влияние простирается не очень далеко, поэтому предприятия должны располагаться в городском районе так часто, чтобы наполнить пешеходами те отрезки улицы, вдоль которых нет публичных мест. Кроме того, должно быть

много различных предприятий, чтобы у людей были причины проходить мимо друг друга.

В-третьих, хозяева магазинов и другие мелкие предприниматели обычно бывают горячими сторонниками общественного спокойствия и порядка; они не любят разбитые окна и разбойные нападения; они не любят, когда клиенты начинают беспокоиться о безопасности. Они — великие часовые улиц и охранники тротуаров, когда их численность достаточно велика.

В-четвертых, активность, создаваемая посыльными или людьми, идущими за едой или спиртным, сама по себе привлекательна для других людей.

Мысль, что вид людей привлекает других людей, по-видимому, является чем-то непостижимым для градостроителей и архитекторов. Они исходят из того, что горожане хотят видеть пустоту, очевидный порядок и спокойствие. Больше заблуждение трудно себе представить. Любовь людей наблюдать за движением и другими людьми в городах сложно не заметить. Эта особенность принимает крайне забавные формы в верхнем Бродвее в Нью-Йорке, где улица разделена узкой центральной аллеей прямо посреди проезжей части. На перекрестках этой длинной, тянущейся с севера на юг аллеи за большими бетонными тумбами установлены скамейки и всегда, даже когда едва позволяет погода, эти скамьи заполнены людьми, которые наблюдают за пешеходами, проходящими по аллее перед ними, наблюдают за проезжей частью, наблюдают за людьми на оживленных тротуарах, наблюдают друг за другом. Наконец, Бродвей доходит до Колумбийского университета и Бернард-колледжа, находящихся соответственно — по правую и левую стороны от него. Здесь царят спокойствие и порядок. Никаких магазинов, никакой суматохи, создаваемой ими, почти нет пешеходов — и никаких наблюдателей. Скамейки есть, но они пусты даже в самую прекрасную погоду, и я даже знаю причину этого. Нет места скучнее. Даже студенты этих институтов избегают уединения. Они гуляют, делают домашние задания и разглядывают улицы на самых оживленных перекрестках университетского городка.

Точно также обстоит дело и на других городских улицах. У оживленной улицы всегда есть свои пешеходы и чистые наблюдатели. В прошлом году я была на такой улице в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена, ожидая автобус. Потребовалось не больше минуты, и я уже начала наблюдать за прохожими и игрой детей, как мое внимание привлекла женщина, открывшая окно квартиры на третьем этаже дома на противоположенной стороне улицы и начавшая энергично жестиковать мне. Когда я обратила на нее внимание, она прокричала мне: «Автобус по субботам здесь не ходит!» Затем жестами и мимикой она показала мне, куда идти. Эта женщина была одной из многих тысяч жителей Нью-Йорка, которые при случае заботятся об улицах. Они замечают неместных. Они следят за всем происходящим. Если им нужно что-то сделать —

сказать неместному, что он ждет не там, или вызвать полицию, — они делают это. Конечно, для таких действий обычно необходима определенная уверенность действующего лица в праве собственности на улицу и в помощи, которую он при необходимости получит. Но еще важнее, чем действия и необходимых условий для него, — само наблюдение.

Не все в больших городах заботятся об улицах, и многие живущие или работающие в городах не осознают, почему их район безопасен. Недавно на улице, где я живу, произошло событие, которое меня заинтересовало.

Следует пояснить, что сторона улицы, на которой я живу, невелика, но на ней есть множество самых разных зданий — от старых многоквартирных домов до трех- и четырехэтажных зданий, превратившихся в дома с недорогими съемными квартирами и магазинами на первом этаже или используемых только одной семьей, наподобие нашего. На другой же стороне улицы стоят в основном четырехэтажные кирпичные многоквартирные дома, сдаваемые в аренду, с магазинами внизу. Но двенадцать лет назад половина зданий в квартале была объединена в одно здание с лифтом и небольшими квартирами с высокой арендной платой.

Событием, привлечшим мое внимание, была безмолвная борьба между мужчиной и маленькой девочкой восьми-девяти лет. Казалось, мужчина пытался заставить девочку пойти с собой. Он то уговаривал ее, то делал безучастный вид. Девочка, стоявшая у стены многоквартирного дома напротив, не поддавалась, как бывает тогда, когда дети сопротивляются.

Пока я наблюдала из окна второго этажа и размышляла о том, как мне лучше вмешаться, необходимость в этом отпала. Из мясной лавки, находящейся внизу многоквартирного дома, вышла женщина, которая со своим мужем управляла этой лавкой; она встала в пределах слышимости, скрестила руки на груди и сделала решительное выражение лица. Тогда же вышел и Джо Корнаккиа, который со своими зятьями держит гастроном, и с серьезным видом встал на другой стороне улицы. Выше из окон многоквартирного дома высунулись несколько голов, одна из них быстро убралась в окно, а ее владелец через минуту появился в дверном проеме за женщиной. Двое мужчин из бара рядом с мясной лавкой встали в дверях и начали ждать. На моей стороне улицы я увидела, что владелец скобяной лавки, торговец фруктами и хозяин прачечной вышли из своих магазинов и что за сценой наблюдали из множества окон, помимо моего. Мужчина не знал об этом, но он был окружен. Никто не позволил бы увести маленькую девочку, даже если бы никто не знал, кто она такая.

К сожалению, — правда, только из мелодраматических соображений — придется сказать, что маленькая девочка оказалась дочкой этого человека.

На всем протяжении этой небольшой драмы, занявшей, возможно, каких-то пять минут, из окон квартир с высокой арендной платой

не выглянул ни один человек. И это можно сказать только об этом здании. Когда мы только переехали в наш квартал, я с нетерпением ждала, когда же все здания сделают похожими на это. Теперь, когда я познакомилась с ним получше, мне остается только с грустью ожидать последних известий о том, что именно такая перестройка запланирована для остальных домов, примыкающих к зданию с высокой арендной платой. Жильцы этого здания, большая часть которых меняется так часто, что мы даже не можем запомнить их лица,² не имеют ни малейшего представления о том, кто и как заботится об их улице. Район может принять и защитить многих этих перелетных птиц, как это происходит в нашем районе. Но когда и если район, в конечном итоге, будет населен только ими, они со временем обнаружат, что улицы стали менее безопасными, они будут озадачены этим и, если дело примет дурной оборот, они переселятся в другой район, который странным образом окажется более безопасным.

В некоторых богатых городских районах, где наблюдение своими силами распространено слабо, таких, как жилая часть Парк-авеню или верхняя Пятая-авеню в Нью-Йорке, уличных наблюдателей нанимают на работу. Например, скучные тротуары жилой части Парк-авеню удивительно безлюдны; вместо того, чтобы пользоваться ими, пешеходы предпочитают интересные тротуары Лексингтон-авеню и Мэдисон-авеню к востоку и к западу от нее, где много магазинов, баров и ресторанов, и пересекающиеся с ними улицы. Сеть швейцаров и управляющих, посыльных и нянь, обеспечивает наблюдение за жилой частью Парк-авеню. В темное время суток швейцарам — основному оплоту безопасности — помогают хозяева собак, выходящие с ними на прогулку. Но эта улица настолько свободна от наблюдателей, настолько лишена веских причин для ее использования или наблюдения за ней, что, если бы арендная плата на ней была ниже отметки, позволяющей содержать множество наемных швейцаров и лифтеров, она, несомненно, стала бы весьма опасной улицей.

Когда улица хорошо устроена для приема неместных, когда на ней существует четкое разделение между частным и публичным пространством и созданы необходимые условия для деятельности и наблюдения, тогда чем больше на ней незнакомцев, тем она оживленней.

Неместные занимают важное место на улице, где я живу, и они приобретают особое значение в темное время суток, когда потребность в безопасности наиболее велика. Нам во многом повезло, что на нашей улице есть бар не только с местной клиентурой и еще один на углу, но и известный бар, который притягивает жителей из прилегающих районов и даже из других городов. Он известен потому, что поэт Дилан То-

² Некоторые из них, по словам хозяев магазинов, живут на бобах и хлебе и тратят все свое время на то, чтобы найти жилье, где им не придется отдавать все свои деньги за аренду.

мас обычно бывал в нем и упомянул о нем в своих сочинениях. Этот бар работает в две смены. Утром и перед обедом он служит местом сбора старой ирландской общины портовых грузчиков и других портовых рабочих, чем он всегда и был. Но в послеобеденное время в нем начинается другая жизнь, больше похожая на студенческую литературную вечеринку с пивом, которая продолжается до раннего утра. Холодными зимними вечерами, проходя мимо открытых дверей «Белой лошади», всегда поражают гул и веселье, царящие в баре. Благодаря посетителям этого бара наша улица остается оживленной до трех утра, и по ней всегда безопасно возвращаться домой. Единственный известный мне случай драки на нашей улице имел место в «мертвые» часы между закрытием бара и рассветом. Драка была остановлена одним из наших соседей, который увидел ее из своего окна и, будучи подсознательно уверенным в том, что даже ночью он остается причастным к сообществу, обеспечивающему общественный порядок на улице, вмешался.

Один мой приятель живет на улице в верхней части города, где религиозная молодежь и общинный центр, проводящий множество танцевальных вечеров и занимающийся другими вещами, играют для его улицы ту же роль, что и бар *White Horse* для нашей. Традиционное планирование тесно связано с пуританскими и утопическими представлениями о том, как людям следует проводить свое свободное время, и при планировании эти моральные соображения тесно переплетены с представлениями о жизнедеятельности больших городов. В поддержании цивилизации на улицах городов бар «Белая лошадь» и содержащийся на средства церкви молодежный центр при всех несомненных различиях между ними выполняют одну и ту же задачу прививания цивилизации улицам. В городах есть не только пространство для таких различий, связанных со вкусами, целями и интересами занятий; в городах есть также потребность в людях со всеми этими различиями во вкусах и склонностях. Предпочтение, отдаваемое утопистами и другими одержимыми строителями досуга простых людей одной правовой форме деятельности перед другой, не просто не приносит пользы городам. Оно приносит вред. Чем больше и шире область всех законных интересов (в строго юридическом смысле слова), которые могут удовлетворить городские улицы и находящиеся на них предприятия, тем лучше для улиц, а также безопасности и цивилизации города.

Бары и, в сущности, вся торговля пользуются дурной репутацией во многих городских районах именно потому, что они притягивают неместных, а те не используются в качестве полезного актива.

Это печальное обстоятельство особенно бросается в глаза в унылых серых поясах больших городов и некогда фешенебельных или, по крайней мере, солидных старых жилых районах, приходящих в упадок. Поскольку эти районы столь опасны, а улицы обычно столь темны, принято считать, что корень всех зол лежит в недостаточном уличном освещении. Хорошее освещение важно, но темнота — не единственное

объяснение глубокой функциональной болезни серых районов, Великой Болезни Унылости. Ценность яркого уличного освещения для унылых серых районов возрастает благодаря уверенности, которую оно придает людям, которым нужно идти по тротуарам или которые хотели бы идти по ним, но отсутствие хорошего освещения не позволяет им сделать это. Так, освещение помогает этим людям наблюдать за улицей. Кроме того, очевидно, что хорошее освещение позволяет большему числу людей наблюдать за большей площадью. Каждая дополнительная пара глаз и каждое расширение области обзора приносит пользу унылым серым районам. Но при отсутствии наблюдателей, которые играют важную роль в поддержании цивилизации на улицах, освещение может привести к негативным последствиям. Пугающие общественность преступления могут совершаться и совершаются на хорошо освещенных станциях метро, когда нет никаких наблюдателей. Они почти никогда не случаются в затемненных театрах, где есть множество наблюдателей. Уличные фонари могут походить на пресловутый камень, упавший в пустыне, где нет ушей, чтобы слышать. Вызовет ли он шум? Отбрасывают фонари ли свет, если нет никаких наблюдателей? Они бесполезны.

Для объяснения беспокойства, которое вызывают незнакомцы на улицах унылых районов города, я сначала отмечу — по аналогии — особенности еще одной своеобразной разновидности улицы — коридоров многоэтажных муниципальных жилых домов, производных «лучезарного города» (*Radiant City*). Лифты и коридоры этих домов представляют собой в определенном смысле улицы. Они являются улицами, нагроможденными в небе, чтобы устранить улицы на земле и сделать возможным создание на земле пустынных парков наподобие аллей в районе *Washington Houses*, откуда была украдена елка.

При этом такие внутренние части зданий оказываются улицами в том смысле, что по ним приходят и уходят жильцы, большинство которых может быть незнакомо друг с другом или не знать, кто здесь живет, а кто — нет. Они являются улицами и в том смысле, что они доступны для публики. Они созданы в подражание стандартам жилья для высшего класса, но только без расходов на швейцара и лифтеров. Любой может войти в эти здания без каких-либо вопросов и воспользоваться аллеей лифта и тротуарами коридоров. Эти внутренние улицы, несмотря на свою полную открытость для публичного использования, закрыты для публичного наблюдения, и потому им не достает сдержек и противовесов просматриваемых улиц.

Насколько я могу судить, обеспокоенное не столько опасностью для жизни людей, сколько вандализмом по отношению к собственности, который имеет место на этих не поддающихся наблюдению улицах, Управление жилищного строительства Нью-Йорка несколько лет тому назад провело эксперимент с коридорами, открытыми для наблюдения в бруклинском комплексе жилых зданий, который я назову *Blenheim Houses*,

хотя на самом деле он носит иное название. (Мне не хочется усложнить положение посредством такой рекламы).

Из-за того, что высота *Blenheim Houses* составляет шестнадцать этажей, и того, что тем самым создаются огромные свободные пространства на земле, наблюдение за ними из открытых коридоров с земли или из других зданий имеет только психологический эффект, но эта психологическая открытость, по-видимому, оказывается в определенной степени действенной. Более важным и действенным является то, что коридоры в них устроены так, чтобы способствовать наблюдению внутри самих зданий. Они были превращены в полезное, а не просто проходное пространство. Оно было предназначено для развлечений и оформлено достаточно богато, чтобы служить балконами и пассажирами. Все это оказалось столь ярким и интересным, что жильцы нашли этому еще одно прекрасное применение: место для пикника — и это несмотря на беспрестанные просьбы и угрозы администрации, которая *не планировала*, что эти балконы и коридоры могут служить местом для проведения пикников. (План должен предусматривать все и затем оставаться неизменным). Жильцы полюбили балконы; и потому часто используемые балконы находятся под пристальным наблюдением. Ни преступлений, ни проявлений вандализма в этих коридорах не замечено. Не было украдено или разбито ни одной лампочки, хотя в подобных строениях с не просматриваемыми коридорами вследствие воровства или вандализма обычно каждый месяц приходится менять тысячи лампочек.

Пока все обходится.

Поразительное свидетельство связи между городским наблюдением и городской безопасностью!

Тем не менее, *Blenheim Houses* вызывают опасения насчет вандализма и дурного поведения. Освещенные балконы, которые, по выражению управляющего, оказываются «самой яркой и привлекательной сценой в поле зрения», притягивают посторонних, особенно подростков, со всего Бруклина. Но эти посторонние, притягиваемые магнитом просматриваемых коридоров, не задерживаются в них. Они идут на другие «улицы» зданий, улицы, на которых наблюдение отсутствует. К ним относятся лифты и, что более важно в этом отношении, пожарные лестницы и их площадки. Те, кто пекутся о порядке в доме, гоняются за нарушителями, которые ведут себя варварски и дурно на высоких не просматриваемых лестницах шестнадцатиэтажных зданий, и нарушителям спокойствия удается уйти безнаказанными. Не составляет труда подняться на лифте на верхний этаж, заклинить двери кабины, чтобы лифт нельзя было спустить, а затем сеять панику в здании и у каждого встречного. Проблема настолько серьезна и кажется почти неразрешимой, что преимущество безопасных коридоров сводится на нет — по крайней мере в глазах измученного управляющего.

В *Blenheim Houses* имеет место нечто подобное тому, что происходит в унылых серых районах городов. Печально немногочисленные и ред-

ко разбросанные заплаты блеска и оживления в серых районах похожи на просматриваемые коридоры *Blenheim Houses*. Они привлекают посторонних. Но относительно пустынные, унылые, глухие улицы, идущие от этих мест, похожи на пожарные лестницы *Blenheim Houses*. Они не предназначены для посторонних и присутствие посторонних на них неизбежно таит в себе угрозу.

В таких случаях возникает соблазн возложить вину на балконы — торговлю или бары, которые притягивают к себе неместных. Типичный ход мысли отражается в разрабатываемом в Чикаго проекте реконструкции Гайд-парк-Кенвуда. В этой части серого района, примыкающей к Чикагскому университету, имеется множество роскошных зданий и участков земли, но в течение тридцати лет она страдала от пугающей проблемы уличной преступности, сопровождавшейся в последние годы значительным физическим обветшанием. «Причина» упадка Гайд-парк-Кенвуда была блестяще установлена наследниками врачей, лечивших кровопусканием, которые ныне занимаются градостроительством. И этой причиной служит наличие «болезни». Под болезнью они имеют в виду то, что многие профессора колледжа и семьи других представителей среднего класса постепенно покидали этот унылый и опасный район, а их места зачастую естественным образом занимали те, у кого не было больших экономических или социальных возможностей выбирать себе место жительства. План выделяет и устраняет эти пораженные болезнью участки, заменяя их участками «лучезарного городсада», которые, как водится, призваны свести к минимуму использование улиц. В соответствии с планом, создаются новые пустые пространства, стирается и без того слабое различие между частным и публичным пространством в районе и уничтожается существующая торговля. Ранние планы этой реконструкции предполагали создание относительно большого, похожего на пригородный, торгового центра. Но это свидетельствовало о слабом понимании реалий в процессе планирования. Большой центр — больше, чем нужный для удовлетворения обычных покупательских нужд жильцов в самом реконструированном районе, — «мог бы привлечь в район посторонних людей», как выразился один из архитекторов. Поэтому решено было построить небольшой торговый центр. Большой или небольшой — не так уж важно.

Это неважно, потому что Гайд-парк-Кенвуд, как и все городские районы, в действительности окружен «посторонними». Этот район расположен внутри Чикаго. Его положение не изменить. Его нельзя сделать пригородом. Планирование, направленное на избегание глубоких функциональных несоответствий, может привести к одному из двух возможных результатов.

Различные посторонние и дальше будут приходить в этот район, и среди них будут не только приятные и милые люди. В том, что касается безопасности, перемен не произойдет, за исключением того, что возможности для уличной преступности немного расширятся из-за по-

явления нового пустого пространства. Или план может предусматривать определенные исключительные средства недопущения посторонних в этот район. Так, как сообщалось в прессе, примыкающий к нему Чикагский университет, который играл ведущую роль в разработке плана, предпринял чрезвычайные меры, выпуская полицейских собак каждую ночь для патрулирования университетского городка и недопущения людей в этот опасный замкнутый район. Барьеры, созданные этими новыми зданиями на границах Гайд-парк-Кенвуда, и чрезвычайные меры по охране порядка вполне могут оказаться действенными в том, что касается недопущения чужаков в этот район. Правда, это вызовет враждебное отношение со стороны остального города и приведет к появлению в самом районе психологии осажденной крепости. И кто может быть уверен, что всем этим тысячам людей, по праву живущим в этой крепости, можно доверять в темноте?

Я уделила такое внимание Гайд-парк-Кенвуду не потому, что это какой-то особенно вопиющий случай, а потому, что вынесенный диагноз и предложенные меры «лечения» типичны, хотя и несколько более амбициозны, для планов, проводимых в жизнь по всей стране. Дело в градостроительстве как таковом, насквозь пронизанном ортодоксией, а не в каком-то местном самодурстве.

Представим, что мы и дальше будем строить и сознательно перестраивать небезопасные города. Как нам уживаться с этой незащищенностью? До сих пор существовало три способа, позволяющих нам жить с нею; возможно, когда-нибудь появятся и другие, но я подозреваю, что нам придется иметь дело с дальнейшим развитием и видоизменением этих трех.

Первый способ состоит в том, чтобы смириться с опасностью и бросить этих несчастных на произвол судьбы. Такая политика проводится сегодня по отношению к бедным районам и ко многим районам, в которых проживают представители среднего класса.

Второй способ — это поиск спасения в транспортных средствах. Такой метод практикуется в крупных заповедниках с дикими животными в Африке, где туристов предупреждают о том, чтобы они ни в коем случае не выходили из своих машин, пока они не покинут пределы этого заповедника. Этот метод также практикуется и в Лос-Анджелесе. Удивленные гости города неизменно рассказывают истории о том, как их останавливала полиция, расспрашивала их о том, зачем они едут в Лос-Анджелес, и предупреждала их об опасности. Кажется, что этот метод обеспечения общественной безопасности работает не слишком эффективно, о чем свидетельствует уровень преступности. Но представьте, какими могли бы быть показатели преступности, если бы многие люди не знали, что они беззащитны в огромном заповеднике Лос-Анджелеса.

В опасных районах других городов люди также часто используют или, по крайней мере, пытаются использовать автомобили для защиты. В письме редактору *New York Post* мы читаем: «Я живу на темной ули-

це Ютика в Бруклине. Поэтому мне приходится ездить домой на такси даже в не слишком позднее время. Таксист попросил меня выйти на углу Ютики, заявив, что дальше он не поедет. Но если бы мне хотелось прогуляться по темной улице, зачем бы мне понадобилось такси?»

Третий способ был придуман уличными бандами, а затем взят на вооружение застройщиками при перестройке города. Этот способ состоит в установлении контроля на определенной территории.

Исторически уличные банды осваивали территорию определенных улиц, районов или парков, а нередко того, другого и третьего сразу. Члены других банд не могли заходить на эту территорию без разрешения тех, кто ее контролировал, а если они все же решались зайти, то должны были быть готовы к стычке. В 1956 году совету по делам молодежи Нью-Йорка, который не знал, как ему прекратить столкновения между уличными бандами, удалось все же установить перемирие. Это перемирие предполагало, среди прочего, взаимное признание бандами сфер влияния и обязательство не нарушить границы между ними.

Начальник полиции Нью-Йорка Стивен Кеннеди пришел в ярость от соглашений, признающих сферы влияния банд. Полиция, говорил он, должна защищать право каждого гулять в любой части города, не беспокоясь насчет своей безопасности, а соглашения о разделе сфер влияния полностью подрывали общественные права и общественную безопасность.

Мне кажется, Кеннеди был совершенно прав. Но нам нужно взглянуть на проблему с точки зрения сотрудников совета по делам молодежи. Война была вполне реальной, и они пытались прекратить ее любыми доступными средствами. На улицах, в парках и районах, в которых господствовали эти банды, ни о какой общественной безопасности не могло быть и речи, а ведь от нее, в конце концов, и зависит право и свобода передвижения. В таких условиях свобода города была отвлеченным идеалом.

Теперь рассмотрим проекты переустройства городских районов: жилье для состоятельных людей и представителей среднего класса занимает большие территории, многие старые районы, образуют, согласно рекламным проспектам, «островки в городе», «города в городе» и «новое понимание городской жизни». Здесь обозначается сфера влияния и граница с другими «бандами». На первый взгляд, граница невидима. Но специальных патрулей достаточно для того, чтобы обозначить ее. И в последние годы эта граница стала вполне зримой, превратившись в забор.

Возможно, первым примером этого стал высокий забор вокруг района «лучезарного города-сада», граничащего с Больницей Джона Хопкинса в Балтиморе. Для особенно непонятливых на заборе висят таблички с надписью: «Не входить!» В мирном городе подобные заборы смотрятся жутковато. Они не просто уродливы; они поистине сюрреалистичны.

Нью-Йорк по-своему усвоил урок Балтимора и при поддержке одного из кооперативов жителей Нижнего Ист-Сайда пошел еще дальше. В северной части района, использовавшейся как место для прогулок, были возведены железные ворота, опутанные сверху колючей проволокой. Если вы считаете, что эти ворота должны были оградить место для прогулок от старого развращенного мегаполиса, вы ошибаетесь. За этими воротами находилась всего лишь спортивная площадка, а дальше располагались дома, жильцы которых имели не такие высокие доходы.

При переустройстве города заборы часто возводятся для создания «сбалансированных» районов. В этом отношении особенно показательна граница между кооперативом со средними доходами *Corlears Hook* и кооперативом с низкими доходами *Vladeck Houses* во все том же Нижнем Ист-Сайде. *Corlears Hook* оградил свою территорию от территории соседей большой парковкой с двухметровым забором, а затем — через десять метров — еще одним забором, за которым начинались земли *Vladeck Houses*.

Точно так же в Верхнем Вест-Сайде агент по недвижимости, предлагавший мне жилье в *Park West Village* («Ваш собственный мир в сердце Нью-Йорка»), заверил меня: «Как только завершится строительство торгового центра, весь район окружат забором». «Забором?» — спросила я. «Ага», — ответил он, добавив: «В конце концов, люди придут сюда. Мы здесь первопоселенцы». Думаю, это действительно похоже на жизнь первопоселенцев в окруженных частоколом деревнях, если не считать того, что первопоселенцы стремились сделать остальной мир более безопасным.

Некоторым членам банд трудно смириться с новым разделом сфер влияния. Один из них писал в письме в *New York Post* в 1959 году: «Раньше я гордился тем, что живу в *Stuyvesant Town* и Нью-Йорке, но теперь, после одного случая, мне стыдно за это. Я видел двух мальчишек-пуэрториканцев лет двенадцати, сидящих на скамейке в *Stuyvesant Town*. Они были увлечены разговором между собой, но не шумели и вели себя прилично. И тут я заметил, что к ним приближаются два охранника — один с севера, а другой с юга. Один показал другому на мальчишек. Тот подошел к ним, и после непродолжительного общения мальчишки встали и ушли. Они пытались казаться гордыми... Откуда у людей взяться самоуважению и чувству собственного достоинства, если их лишают этих чувств еще в раннем возрасте? Насколько плохи наши дела, жителей *Stuyvesant Town* и Нью-Йорка, если мы не можем поделиться скамейкой с двумя мальчишками».

Редактор отдела писем опубликовал это обращение под заголовком «Оставайся в своем районе!»

Но, судя по всему, люди довольно быстро привыкают жить в своем районе за воображаемым или реальным забором и вскоре начинают удивляться, как они обходились без него раньше. Этот феномен был

описан еще до того, как в больших городах начали появляться такие ограждения, в журнале *New Yorker* в статье о рассекреченном Окридже. Когда Окриджу, штат Теннесси, после окончания войны пришлось пережить демилитаризацию, перспектива утраты забора, который появился с милитаризацией, вызвала страх и горячий протест со стороны многих жителей. По этому поводу проводились даже шумные собрания. Хотя все жители Окриджа приехали в него не так давно из неогороженных городишек или больших городов, жизнь за укрепленным забором стала нормальной, и они боялись, что без забора их жизнь не будет такой безопасной.

Недавно мой десятилетний племянник Дэвид, родившийся и выросший в *Stuyvesant Town*, этом «городе в городе», с удивлением заметил, что по улице перед нашим домом может ходить кто угодно. «Разве никто не следит за тем, чтобы по этой улице ходили только те, кто на ней живет?» — спросил он. «Кто же тогда выгонит чужаков?»

Метод деления города на сферы влияния не ограничивается одним только Нью-Йорком. Его предлагают в качестве решения всем американским городам. На конференции архитекторов в Гарварде, которая прошла в 1959 году, одной из главных тем оказалась загадка сфер влияния, хотя она и не была обозначена именно в таких терминах. В качестве примеров рассматривались районы *Lake Meadows* в Чикаго для жителей со средними доходами и *Lafayette Park* в Детройте для состоятельных горожан. Не пускать в свой район посторонних сложно, да и делать это не слишком приятно, но и приглашать их в него никто особенно не торопится.

Подобно сотрудникам совета по делам молодежи, застройщики и жители «лучезарного города», «лучезарного города-сада» и «прекрасного лучезарного города-сада», столкнулись с серьезными трудностями, и они делали все, что было в их силах. У них почти не было выбора. Как только встает вопрос о переустройстве города, сразу же возникает варварская идея сфер влияния, потому что пере(у)строенный город отказывается от основной функции городской улицы, а вместе с ней неизбежно и от городской свободы.

Старому городу, при всей его внешней беспорядочности, все же прекрасно удается поддерживать безопасность на улицах, не отказываясь при этом от свободы. Это сложный порядок. Его суть состоит в сложности использования тротуаров, в постоянном слежении за ними со всех сторон. Этот порядок состоит в движении и изменении, и хотя мы имеем дело с жизнью, а не с искусством, мы вполне можем назвать его видом искусства сродни танцу — не тому танцу, когда все одновременно выполняют одно движение, кружатся в унисон и кланяются, а сложному балету, в котором отдельные танцоры дополняют друг друга и образуют единое целое. Балет тротуаров хорошего города никогда не повторяется в других местах, да и в одном и том же месте мы всегда имеем дело с новыми импровизациями.

Хадсон-стрит, улица, на которой я живу, — это сцена сложного тротуарного балета. Мой первый выход на нее назначен на восемь утра: в это время я выношу мусор, но одновременно я наблюдаю как стайки старшеклассников проходят через центр сцены, выбрасывая фантики от конфет (как можно есть столько конфет в такой ранний час!).

Затем я имею возможность наблюдать другие утренние ритуалы: как мистер Халперт открывает прачечную, как зять Джо Корнаккиа выбрасывает пустые коробки из-под товара, как парикмахер выставляет на тротуар складной стул, как мистер Голдстейн выкладывает мотки проволоки, что означает, что его скобяная лавка открыта, как жена управляющего многоквартирным домом выводит своего пухлощеклого трехгодовалого сынишку на крыльцо, то место, где он должен выучить английский, на котором его мать не говорит. Затем на улице появляются младшеклассники: кто-то из них направляется в школу св. Луки на юге, кто-то — в школу св. Вероники на западе, а кто-то — в общественную школу на востоке. Потом из домов начинают выходить хорошо одетые и даже элегантные женщины и мужчины с деловыми портфелями. Большинство из них идет на автобусную остановку и к станции метро, но некоторые ловят такси, чудесным образом появляющиеся в нужный момент, так как таксисты тоже составляют часть утреннего ритуала. Одновременно на улице появляется множество одетых по-домашнему женщин, которые ненадолго останавливаются, чтобы поболтать друг с другом. Самое время и мне идти на работу. Я обмениваюсь ритуальным прощанием с мистером Лофаро, невысоким и плотным торговцем фруктами, который стоит на крыльце своего дома чуть выше по улице, скрестив руки на груди. Мы киваем друг другу, смотрим по сторонам и обмениваемся улыбками. Мы делаем это каждое утро больше десяти лет, и мы оба знаем, что это означает: «Все в порядке».

Мне редко удается увидеть, как развивается этот балет в середине, потому что работающие люди, живущие здесь, включая меня, в большинстве своем покидают район, исполняя роль чужаков на других тротуарах. Но, судя по тем дням, когда мне не нужно ходить на работу, балет становится все более сложным. Грузчики, у которых тоже на этот день выпадает выходной, собираются в *White Horse*, *Ideal* или *International*, чтобы выпить пива и посудачить. Начальники и клерки идут на обед в ресторан *Dorgene* или кофейню *Lion's Head*; мясники обедают в специальном зале пекарни. Появляются и яркие персонажи, наподобие бородатых мотоциклистов с подружками и еще не совсем опустившихся выпивох в шляпах. Мистер Лейси, продавец замков, делает перерыв и идет пообщаться с мистером Слабом в табачную лавку. Мистер Кучаган, портной, поливает буйные заросли перед своим окном, отходит, чтобы полюбоваться ими со стороны, принимает комплименты от парочки прохожих, а затем идет в *Ideal*, где бросает взор на посетителей и, увидев знакомых, присоединяется к ним. На улице появляются мо-

лодые мамы с колясками, и стайки детишек с игрушками и подростков с домашними заданиями начинают собираться на крыльце.

Ко времени моего возвращения в балете наступает крещендо. Это время тех, кто катается на скейтбордах и трехколесных велосипедах, ходит на ходулях и играет в солдатиков на крыльце; это время, когда люди с бумажными пакетами снуют от аптеки к лотку с фруктами и в мясную; в это время на улицу выходят прихорошившиеся подростки; в это время на Хадсон-стрит можно встретить всех своих знакомых.

По мере приближения темноты, мистер Халперт закрывает прачечную и балет продолжается под светом личных фонарей и вывесок магазинов, баров и ресторанов. Те, кто работает ночью, заходят в бакалейную лавку, чтобы купить себе салями и пакет молока. Действие балета ночью замедляется, но не прекращается.

Мне известно об этом ночном балете потому, что, просыпаясь ночью, чтобы проверить, как там мой малыш, я не раз сидела в темноте, глядя на тени и прислушиваясь к звукам улицы. По большей части это похоже на разговоры, а около трех утра можно услышать пение, причем весьма неплохое. Иногда можно услышать недовольные крики и возгласы или звук, как будто кто-то что-то рассыпал. Однажды ночью мне довелось слышать, как молодой человек грязно ругался на двух девушек, которых он пытался «снять», но которые его «отшили». Тогда двери домов открылись, и ему пришлось дожидаться приезда полиции в кольце суровых местных мужчин. Можно было услышать возгласы: «Пьяный!.. Сумасшедший!.. Дикое дитя пригородов!»

Я не знала, сколько людей бывает на улице глубокой ночью, пока их однажды не собрал волынщик. Я понятия не имела, откуда взялся этот человек и почему он выбрал нашу улицу. Просто одной февральской ночью на улице заиграла волынка. И, словно по условному сигналу, вокруг волынщика собралась небольшая толпа. Его самого почти не было видно: это был невысокий мужчина в простом коричневом пальто. Он отыграл и исчез под аплодисменты танцоров и зрителей. После этого окна закрылись, а зрители разбрелись по сторонам.

Незнакомцы на Хадсон-стрит, союзники, чьи глаза помогают нам, местным жителям, поддерживать порядок на улице, столь многочисленны, что они всегда кажутся нам разными. Но это не важно. Возможно, это действительно всегда разные люди. Я не знаю этого наверняка. Когда Джимми Роган выпал из окна и едва не лишился руки, из бара *Ideal* выбежал незнакомец, который, как потом сказали врачи «скорой», спас Джимми жизнь. Никто не видел этого мужчину прежде, и никто не видел его потом. А «скорую» вызвали так: женщина, оказавшаяся в нескольких шагах от места происшествия, побежала на автобусную остановку, взяла у незнакомца, который ждал автобуса, десять центов и помчалась в *Ideal*, чтобы позвонить в «скорую». Незнакомец побежал за ней, чтобы дать еще мелочи. Никто не видел его здесь раньше, и никто не видел его потом. Когда вы видите одного и того

же незнакомца на Хадсон-стрит трижды, вы начинаете приветственно кивать ему.

Ежедневный балет на Хадсон-стрит в моем описании выглядит довольно суматошным, но в реальной жизни все происходит спокойнее. В реальной жизни балет никогда не останавливается, но производит более спокойное впечатление, а главная партия кажется даже какой-то ленивой. Люди, которые бывали на таких улицах, поймут, о чем идет речь.

На Хадсон-стрит, как и в бостонском Норт-Энде или любом другом оживленном районе большого города, мы знаем, как нужно поддерживать безопасность на наших улицах не лучше, чем люди, которые пытаются выжить в городе, разделенном на «сферы влияния». Нам повезло, что наш город устроен так, что нам сравнительно легко поддерживать порядок, потому что улица постоянно находится под присмотром многих людей. Но этот порядок совсем не прост и включает огромное множество элементов. И хотя большинство этих элементов имеет специализированный характер, они, тем не менее, оказывают совокупное воздействие на неспециализированную улицу. И в этом его сила.

Перевод с английского Артема Смирнова